

Оригинальная статья

УДК 316.44; 316.334.56; 316,347

JEL C8, I31, J7, O15, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435

EDN JAYRHT

Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге)

Екатерина Александровна Шекера

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия
(shekerak@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>)

Аннотация

В данной статье предпринята попытка рассмотрения интеграционного потенциала внутренних мигрантов на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге: при том, что интеграционная политика государств ориентирована на внешних мигрантов, тем не менее в статье признаётся необходимость рассмотрения барьеров интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество. Теоретико-методологическую рамку исследования составили теории и концепции интеграции/ассимиляции (модель «цикл расовых отношений» Р.Э. Парка, теория аккультурации Дж. Берри, теория ассимиляции М. Гордона, концепция транснационализма Н. Глик Шиллер, Л. Баш и К. Бланк-Зантон, что позволило сформулировать базовое понятие «интеграционный потенциал мигрантов», а также доработать интеграционную модель, разработанную представителями голландской школы H. Entzinger, R. Penninx, B. Garces-Masarecas, модифицировав под цели настоящего исследования (были предложены индикаторы, позволяющие замерить интеграционный потенциал внутренних мигрантов). Цель данной статьи – рассмотреть интеграционный потенциал внутренних мигрантов на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге. Информационные источники исследования составили: Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, данные исследований российских учёных о проявлении этнического негативизма, данные исследований дагестанцев, проживающих вне Республики Дагестан, данные авторского социологического исследования (анкетный опрос). На основании анкетного опроса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге (n=280), рассмотрен интеграционный потенциал внутренних мигрантов в трёх измерениях: политико-правовом, социально-экономическом и культурно-религиозном, также показана взаимосвязанность измерений. Как итог признаётся успешность освоения мигрантами места вселения, несмотря на наличие барьеров интеграции.

Ключевые слова: интеграция, внутренние мигранты, интеграционный потенциал внутренних мигрантов, измерения интеграционного потенциала, Республика Дагестан, дагестанская молодёжь, Санкт-Петербург

Для цитирования: Шекера Е.А. Интеграционный потенциал внутренних мигрантов: проблемы измерения (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге) // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 421–435. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435 EDN JAYRHT

RAR (Research Article Report)

JEL C8, I31, J7, O15, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435

Integration Potential of Internal Migrants: Measurement Issues (Using the Example of Dagestani Youth Living in St. Petersburg)

Ekaterina A. Shekera

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
(shekerak@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-6818-0181>)

Abstract

This article attempts to examine the integration potential of internal migrants, using the example of Dagestani youth living in St. Petersburg: despite the fact that the integration policy of states is focused on external migrants, the article nevertheless recognizes the need to consider the barriers to the integration of internal migrants into the host society. The theoretical and methodological framework of the study included theories and concepts of integration/assimilation (R.E. Park's "race relations cycle" model, J. Berry's acculturation theory, M. Gordon's assimilation theory, N. Glick Schiller, L. Bash and K. Blank-Zanton's concept of transnationalism, which made it possible to formulate the basic concept of "integration potential of migrants" and refine the integration model developed by representatives of the Dutch school H. Entzinger, R. Penninx, B. Garces-Masarecas, modifying it for the purposes of this study (indicators were proposed to measure the integration potential of internal migrants). The purpose of this article is to consider the integration potential of internal migrants using the example of Dagestani youth living in St. Petersburg. The information sources of the study were: the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, research data of Russian scientists of an ethnic negativism exhibition, research data of Dagestanis living outside the Republic of Dagestan, data of the author's sociological study (questionnaire survey). Based on a questionnaire survey of Dagestan youth living in St. Petersburg (n = 280), the integration potential of internal migrants is considered in three dimensions: political and legal, socio-economic and cultural and religious, and the interdependence of the dimensions is also shown. As a result, the success of migrants in mastering the place of settlement is recognized, despite the presence of integration barriers.

Keywords: integration, internal migrants, integration potential of internal migrants, dimensions of integration potential, Republic of Dagestan, Dagestan youth, St. Petersburg

For citation: Shekera E.A. Integration Potential of Internal Migrants: Measurement Issues (Using the Example of Dagestani Youth Living in St. Petersburg). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):421–435. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_6_421_435 (In Russ.)

Введение

В современной российской действительности основная миграционная нагрузка приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург, эти регионы занимают лидирующие позиции по показателям миграционного оборота, а также миграционного прироста населения в Российской Федерации (РФ), привлекая большое количество мигрантов, основную долю которых составляют трудовые и учебные. Молодёжь из Республики Дагестан стремится в Санкт-Петербург для реализации человеческого капитала, так, если в 2019 году Санкт-Петербург занимал 2 место по индексу человеческого развития среди всех субъектов Российской Федерации, то Республика Дагестан – 70-е¹.

В том случае, что в России масштаб внутренней миграции превышает величину международной миграции, в документах стратегического планирования адаптация и интеграция внутренних мигрантов в принимающих обществах не обозначена как проблема. В целом ситуация понятна, так как внутренние мигранты, действуя в пределах своей страны, обладают полными правами и обязанностями граждан, владеют официальным языком, осведомлены о работе государственных органов и т.д., правовой статус коренного населения отличается от правового статуса внутренних мигрантов только отметкой в паспорте о наличии прописки. Однако на практике статусы внутренних мигрантов и принимающего общества не достигают полного соответствия. Отсутствие регистрации по месту пребывания или наличие временной регистрации влечет за собой ряд ограничений/неудобств (подробнее см. подраздел «политико-правовое измерение»), также при взаимодействии с правоохранительными органами ситуация осложняется, если внутренний мигрант принадлежит к категории «видимых других», кем и являются выходцы с Северокавказского региона. Как справедливо замечает В.И. Мукомель [1, с. 148], в отношении выходцев с Северного Кавказа: «с одной стороны, не снимается проблема барьеров между принимающим населением и мигрантами – как на групповом, так и на индивидуальном уровне, с другой – правоприменение и социальные практики могут серьёзно отклоняться

ся от норм, установленных законодательством», что безусловно сказывается на интеграционных процессах.

Цель данной статьи – рассмотреть интеграционный потенциал внутренних мигрантов на примере дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, поскольку крайне важно выявить субъективное восприятие мигрантами реальности, в которой протекают интеграционные процессы. Объектом данного исследования является дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге. Предметом – интеграционный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, в её восприятии, рассмотренный в трёх измерениях: политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном. Гипотеза исследования: интеграционный потенциал принимающего общества может существенно отличаться в разных измерениях. В качестве результирующего критерия интеграционного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, предлагается использовать степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, поскольку чем выше степень осуществления намерений, тем позитивнее и продуктивнее взаимодействие с принимающим обществом, соответственно, выше интеграционный потенциал приезжих.

Для того чтобы раскрыть понятие «интеграционный потенциал мигрантов», необходимо рассмотреть понятие «интеграция». Введённое в социологию Г. Спенсером понятие «интеграция» переопределялось в каждой новой парадигме: в работах М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Н. Лумана, Т. Парсонса, П. Сорокина, Л.А. Табылгинова [2], проанализировав существующие социологические подходы к понятию «интеграция», приходим к выводу, что в основном все существующие теории можно свести к двум подходам: теории о развитии и функционировании общественной системы как целостности, в совокупности сложных взаимосвязей, возникающих между различными подсистемами общества (Э. Гидденс, О. Конт, Н. Луман, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.) и теории о возникновении и развитии взаимоотношений между индивидом и обществом – усвоение ценностно-нормативной системы общества (Э. Дюркгейм, И. К. Кули, Ю. Хабермас и др.).

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка, декабрь 2021 года // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

Существует североамериканская и европейская традиция использования терминов «интеграция» и «ассимиляция»: в США и Канаде принято под интеграцией понимать ассимиляцию (этот процесс не предполагает потерю прежней идентичности, но включение в основные сферы принимающего общества: жилищную, трудовую, социальную и образовательную), в то время как в Европе и России ассимиляция воспринимается с позиции биологизма, то есть предполагает потерю этнической идентичности, в связи с чем в научном дискурсе доминирует понятие «интеграция». Мощным эмпирическим толчком к возрастанию исследовательского интереса к теме интеграции (ассимиляции) является «великая миграция» 1910–1920 гг. в США. Она способствовала проведению большого количества исследований, что позволило наработать огромную теоретическую базу на основе эмпирических исследований иммигрантов: Чикагская школа социологии (Р.Э. Парк, Э.У. Бёрджесс, У.И. Томас, Ф.В. Знанецкий и др.), теория аккультурации (Дж. Берри), теория ассимиляции М. Гордона и т.д. На протяжении всего XX в. учёные Нового Света пытались предложить оптимальную модель взаимодействия доминирующего общества и мигрантов, поскольку неизбежно доминирующее общество старается скорректировать стратегии аккультурации недоминирующих этнокультурных групп в соответствии со своими ожиданиями. Так, Дж. Берри выделяет следующие аккультурационные ожидания доминирующей этногруппы: интеграции соответствует политика мультикультурализма, ассимиляции – «плавильный котёл», сепарации – сегрегация и маргинализации – исключение [3, с. 2.5–2.6].

Модель «плавильного котла» заключается в том, что «существует (или должно существовать) одно доминирующее общество, на периферии которого находятся различные группы меньшинств; эти группы обычно остаются там, если только они не включены в качестве неотличимых компонентов в основное общество». В модели «плавильного котла» «культурный плюрализм является проблемой и должен быть уменьшен, даже устранён» [3, с. 2.2–2.4]. Одной из первых моделей в рамках осмысления «плавильного котла» был «цикл расовых отношений» (Race Relations Cycle) Р.Э. Парка [4], данный цикл включает 4 этапа: контакт (знакомство), конфликт (соперничество), аккомодация (взаимные компромиссы), ассимиляция (не означает потерю идентичности одной из групп, но члены различных групп имеют взаимные ценности и практики взаимодействия).

В 1960-е гг. М. Гордон, развивая теоретические наработки Р.Э. Парка, предложил модель

взаимодействия меньшинств и доминирующего общества также в русле англоконформизма. М. Гордон [5] выделяет 7 этапов многоступенчатой модели ассимиляции: аккультурация (принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества), структурная (включение в социальные сети и институты общества и вхождение в социальную структуру принимающего общества), брачная (появление и распространение смешанных браков), идентификационная (возникновение чувства единения скорее с принимающим обществом, чем со своей родной страной), поведенческая (отсутствие дискриминации в отношении меньшинства), ценностная (связана с отсутствием предрассудков), гражданская (отсутствие конфликта внутренних представлений индивида и ценностей принимающего общества). При этом индивид может не продвинуться дальше этапа аккультурации и функционировать в принимающем обществе без задействования иных этапов, однако, катализатором более полной ассимиляции является структурная ассимиляция, поскольку за ней естественным образом последуют все остальные этапы. Модель «плавильного котла» была главенствующей в США в XX вв. до 1960-х гг., однако после череды социальных, экономических, политических потрясений политический курс «плавильного котла» был изменён на мультикультурную модель. В США мультикультурная модель в большей степени относилась к афро-американцам, культурному и этническому феминизму, движению людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Мультикультурная модель заключается в том, что «существует национальная социальная структура институтов (большее общество), которая учитывает интересы и потребности многочисленных культурных групп, и которые полностью включены как этнокультурные группы в эту национальную структуру. В мультикультурной модели «культурный плюрализм является ресурсом, а инклюзивность следует развивать с помощью поддерживающей политики и программ» [3, с. 2.2–2.4]. Политика мультикультурализма реализовывалась в Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, Нидерландах, Франции, Швеции. Однако в 2010–2011 гг. лидеры европейских держав: канцлер Германии А. Меркель, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, президент Франции Н. Саркози заявили о несостоятельности политики мультикультурализма в Западной Европе.

Провал попыток полной ассимиляции/интеграции мигрантов привёл к переосмыслению роли мигранта. Как отмечает С. Вертовек, «...начиная с 1990-х годов многочисленные учё-

ные начали выражать недовольство как моделями линейной ассимиляции, так и моделями аккультурации в исследованиях миграции. В результате возникли различные критические замечания относительно отдельных понятий групповой или культурной принадлежности. Впоследствии был введён ряд концепций, которые по-разному пытались предложить новые, множественные перспективы и понимания, выходящие за рамки категорий². Такие концепции этой эпохи включают: интерсекциональность (intersectionality) (К. Crenshaw); сегментную ассимиляцию (segmented assimilation) (А. Portes, М. Zhou); этнические варианты (ethnic options) (М. Waters); постэтнический (postethnic) (Д. Hollinger); дефисные идентичности (hyphenated identities) (например, Verkuyten М.); креолизацию (creolization) (У. Hannerz); гибридность (hybridity) (например, Р. Werbner, Т. Modood); Третье Пространство (Third Space) (Н. Bhabha); между двумя культурами (between two cultures) (например, L. Watson); бикультурализм или двойную идентичность (biculturalism or dual identity) (например, А.М. Yamada, Т.М. Singelis); мультикультуру (multiculture) (например, Р. Gilroy); чёткие vs. размытые социальные границы (bright versus blurred social boundaries) (Р. Alba); антиэссенциализм (anti-essentialism) (например, N. Fraser, М. Ploux); транснационализм (transnationalism) (Н. Glick Schiller, L. Basch, С. Szanton Blanc); диаспоры (diasporas) (например, Р. Cohen); и космополитизм (cosmopolitanism) (например, S. Vertovec, Р. Cohen)» [6, с. 8]. Тем не менее, перечисленные концепции и теоретические линзы не исключают и не противопоставляются процессу интеграции, они не исчерпали своего эвристического потенциала, поскольку мигранту неизбежно необходимо встроиться/включиться в принимающее общество, иначе взаимодействие либо не случится, либо приобретёт деструктивный характер, таким образом, интеграция может носить фрагментарный характер, достаточный для взаимодействия мигранта и принимающего общества. В настоящее время общепринят подход, согласно которому интеграция рассматривается не как целое, а как встраивание мигрантов в различные сферы принимающего общества, на сегодняшний день наиболее влиятельными в исследованиях «интеграции» являются немецкая (Н. Esser, F. Heckmann) и голландская (Н. Entzinger, Р. Penninx, В. Garcés-Mascareñas) школы.

В немецкой школе выделяют четыре основные сферы интеграции: культурную (освоение языка, культуры и норм принимающего об-

щества), структурную³ (включение в экономические, социальные, образовательные и другие институты принимающего общества), социальную⁴ (взаимодействие с принимающим населением) и идентификационную (формирование эмоциональной связи с принимающим обществом, приводит к появлению «мы-чувства» («we – feeling») по отношению к принимающему обществу) [7; 8].

В голландской школе [9; 10] предлагают три измерения, в которых осуществляется интеграция: политико-правовое, в котором первостепенное значение имеют проблемы законности пребывания мигрантов, их политические права и статусы; социально-экономическое, где особенно важен этап поиска работы и трудоустройства, а также доступ мигрантов к жилью, образованию и здравоохранению; культурно-религиозное, которое относится к переживаниям и практикам мигрантов в процессе включения в принимающее общество, а также к реакциям автохтонного и вновь прибывающего населения на культурные/религиозные различия. Таким образом, определение интеграции охватывает три аналитически различных измерения, в которых люди могут (или не могут) стать принятой частью общества.

Основные теоретические и методологические положения

В данной работе мы будем понимать интеграцию как «процесс становления признанной частью общества» [10, с. 14], поскольку данное открытое определение отражает динамический характер встречного движения и мигрантов и принимающего общества. На основании изученной научной литературы можно заключить, что понятие «интеграция» употребляется в нескольких контекстах, в рамках одного интеграция понимается как следующая стадия адаптации, то есть более длительный, глубокий, двусторонний процесс, в рамках другого исключительно как политика (установление государством способов управления интеграционным процессом в соответствии с заданной целью), третий можно обозначить как эмпирический, предлагающий аналитические схемы измерения встраивания мигрантов в принимающее общество, выявляются и как интегративное свойство среды, и как стремление самих мигрантов к интеграции. «Интеграционный потенциал» — это комплексный показатель,

³ Х. Эссер использует термин «размещение» (placement).

⁴ Вместо термина «социальная интеграция» (social integration) Ф. Хекман и Х. Эссер используют термин «интерактивная интеграция» (interactive integration), чтобы не возникло путаницы с терминологией, используемой в концепции системной и социальной интеграции Д. Локвуда (Lockwood), но в российском научном поле закрепился термин «социальная интеграция».

² Имеются в виду важнейшие социальные категории: раса и этническая принадлежность, национальность, пол, религия и язык.

обеспечивающий импульсы к интеграции и создающий условия для их успешной реализации [11, с. 113]. «Интеграционный потенциал мигрантов» мы можем определить, как совокупность ресурсов, средств и условий, которые способствуют гармоничному (ненасильственному) включению мигрантов в принимающее общество.

Использованные данные и методы работы с ними

Но всё же возможно ли измерить интеграционный потенциал внутренних мигрантов? Например, В.И. Мукомель для измерения уровня и потенциала интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов предложил следующие критерии: идентификация с жителями данного населённого пункта, использование русского языка в повседневном общении, позитивная оценка отношений с принимающим населением, отсутствие агрессии в отношении других этнических групп [1, с. 149]. Проведённый анализ предыдущих исследований позволил остановиться на выборе аналитических измерений интеграции, предложенных Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas [9; 10], операционализировав их исходя из целей данного исследования. Выбранная классификация представляется в данном случае наиболее приемлемой. Во-первых, следует ответить на вопрос, что для мигранта означает идентификация с местным населением: Пользование одной инфраструктурой? Гордость за историческое прошлое? Решение

одних и тех же насущных задач? Используя количественный метод (анкетный опрос) сложно предположить, с какой именно частью принимающего общества может идентифицировать себя мигрант. В небольшом населённом пункте или малом городе с более или менее однородным составом населения данный критерий может быть продуктивным, однако для мегаполиса с пространственной, социальной, экономической и иной дифференциацией наиболее точно эта задача может быть решена только качественными методами (например глубинным интервью). Во-вторых, современный мир очень мобилен, люди гораздо реже переезжают «раз и навсегда» либо реализуют транснациональный/транслокальный сценарий, находясь одновременно «и здесь, и там». Индикаторы интеграционного потенциала были разработаны с учётом приведённого обзора исследований, стандартных вопросов (паспортичка), а также целей настоящего исследования. В связи с тем, что изначально модель аналитических измерений интеграции, предложенная Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas, создавалась для оценки интеграции иммигрантов, мы ввели свои эмпирические индикаторы, отражающие интеграционный потенциал мигрантов (ресурсы, средства и условия для развития). Следовательно, целесообразно построить следующую теоретическую модель анализа интеграционного потенциала в политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном измерении (таблица 1).

Таблица 1

Измерения, интерпретация и эмпирические индикаторы, предложенные для измерения интеграционного потенциала внутренних мигрантов

Table 1

Dimensions, Interpretation and Empirical Indicators Proposed for Measuring the Integration Potential of Internal

№№	Измерение	Интерпретация	Индикаторы
1	Политико-правовое	проблемы законности пребывания мигрантов, их статусы	соблюдение законодательства мигрантами при оформлении своего пребывания на принимающей территории, взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (соблюдение прав).
2	Социально-экономическое	трудоустройство, доступ мигрантов к жилью, образованию и здравоохранению	достигнутый уровень образования ⁵ , учебная и трудовая занятость на текущий момент, жилищные условия, уровень и источники дохода, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (образ жизни, медицинское обслуживание, жилищные условия, устройство на учёбу, трудоустройство).

⁵ Уровень образования и уровень дохода отражены в таблице 2.

№№	Измерение	Интерпретация	Индикаторы
3	Культурно-религиозное	относится к переживаниям и практикам мигрантов в процессе включения в принимающее общество, а также к реакциям автохтонного и вновь прибывающего населения на культурные различия	случаи предвзятого отношения со стороны принимающего общества из-за национальной/религиозной принадлежности мигрантов, конфликтность в общении с местным населением, круг общения, трудности в общении с местным населением, отношение к бракам с представителем иной национальности, степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге по данному измерению (питание ⁶ , проведение досуга, установление хороших отношений с местными жителями).

Источник: составлено автором на основании модели Н. Entzinger, R. Penninx, B. Garcés-Mascareñas.

Для рассмотрения интеграционного потенциала внутренних мигрантов в разных измерениях (политико-правовом, социально-экономическом и культурно-религиозном) мы обратились к анкетному опросу дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге. Генеральной совокупностью в данном исследовании являются дагестанцы, проживающие в Санкт-Петербурге, в возрасте от 16 до 35 лет, и переехавшие в Санкт-Петербург непосредственно из Республики Дагестан. Выборочная совокупность формировалась комбинированным способом: приглашение непосредственно от исследователя принять участие в опросе на совместном мероприятии КПП «Дагестан» и СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана» и самоотбор (self-selection sampling)⁷ – участие в опросе респондентов по собственной инициативе, размещённом в группах некоммерческих организаций – КПП «Дагестан» и СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана», а также в группе, ориентированной на проживающих в Санкт-Петербурге земляков из Дагестана, в со-

циальной сети «ВКонтакте». Репрезентативность выборки не обеспечена в силу неопределённости параметров генеральной совокупности, однако это не умаляет достигнутого научного результата. Анкетный опрос проходил с 20 апреля по 20 мая 2019 года. Опрашивались представители молодёжи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. В рамках настоящей статьи будут проанализированы данные только 280 респондентов, непосредственно совершивших переезд из Республики Дагестан в Санкт-Петербург. База данных формировалась и результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics. В данном блоке анкеты нами были заимствованы некоторые вопросы [12, с. 277–279; 13, с. 62, 77, 82].

Основные социально-демографические характеристики опрошенной молодёжи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге, отражены в таблице 2.

Таблица 2

Основные социально-демографические характеристики, в %⁸

Table 2

Main Socio-Demographic Characteristics, in %

Характеристики		Распределение респондентов
Возраст, лет	16–19	13,2
	20–23	28,2
	24–27	28,9
	28–31	17,5
	32–35	9,7
Семейный статус	Холост/не замужем	62,1
	Женат (замужем)	31,8
	Разведён(-а)	5,3

⁶ Практики питания во многом обусловлены национально-религиозными потребностями.

⁷ Подробнее см.: Bethlehem J. How accurate are self-selection web surveys. The Hague/Heerlen: Statistics Netherlands. 2008. URL: <https://peilingpraktijken.nl/wp-content/uploads/2014/06/bethlehem04.pdf> (дата обращения: 25.08.2024).

⁸ 2,5% респондентов не указали возраст, 0,4% – не указали семейный статус, 1,1% – не указали наличие/отсутствие детей, 0,4% – не ответили на вопрос об уровне образования, 0,7% – уровень образования попадает в категорию «Другое», 4,2% – не ответили на вопрос об уровне дохода, 2,1% – место исхода попадает в категорию «Другое», 7,9% – не ответили на вопрос о месте исхода.

Окончание Таблицы 2

	Характеристики	Распределение респондентов
	Вдовец/вдова	0,4
Наличие детей	Нет детей	72,1
	Да, 1 ребёнок	12,5
	Да, 2 ребёнка	12,1
	Да, 3 ребёнка	1,4
	Да, более 3-х детей	0,8
Уровень образования	Общее полное (11 классов)	13,9
	Высшее	38,6
	Неоконченное высшее	17,8
	Среднее специальное	24,3
	Неоконченное среднее	2,5
	Степень кандидата наук	1,8
Уровень дохода ⁹	Ниже прожиточного минимума	17,9
	Соответствует прожиточному минимуму	19,2
	Немного выше прожиточного минимума	22,5
	Выше в два раза	15,4
	Выше в три раза	10,4
	Выше в четыре раза и более	10,4
Место исхода	Город	57,1
	Село	32,9
Продолжительность проживания в Санкт-Петербурге	Меньше года	7,9
	1–3 года	30,3
	4–6 лет	27,9
	7–10 лет	18,9
	Более 10 лет	15,0

Источник: данные авторского социологического исследования.

Распределение респондентов по полу практически равное: 47,9% – женщин и 52,1% – мужчин. Наиболее многочисленные дагестанские этнические группы в Санкт-Петербурге соотносятся с наиболее многочисленными автохтонными этносами, проживающими в Республике Дагестан: аварцы 28,6% (80 чел.), лезгины 18,2% (51 чел.), кумыки 16,8% (47 чел.), 11,4% даргинцы (32 чел.), табасаранцы 7,5% (21 чел.), лакцы 6,1% (17 чел.) и др.

Результаты исследования

Интеграционный потенциал внутренних мигрантов в разных измерениях:

1. Политико-правовое измерение

Как отмечалось выше, внутренние мигранты обязаны легализовать своё нахождение в ином

субъекте РФ. Прибывшему в другой субъект гражданину РФ на срок более 90 дней необходимо оформить временную регистрацию (регистрацию по месту пребывания). Однако распространена практика покупки фиктивной¹⁰ регистрации по месту пребывания или проживания без оформления временной регистрации, в связи с чем невозможно подсчитать точное количество внутренних мигрантов на территории Санкт-Петербурга (сравнение времени проживания и статуса нахождения в ином субъекте РФ респондентов отражено на рисунке 1¹¹).

¹⁰ Под фиктивной регистрацией мы понимаем регистрацию в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, эта популярная услуга активно предлагается разными фирмами за определённую плату. Данная услуга особенно востребована в крупных городах, даже несмотря на введение с 2013 года уголовной ответственности согласно ст. 322.2 УК РФ.

¹¹ Не вошли имеющие фиктивную регистрацию: актуально для 1,1%, все проживают в городе 1–3 года.

⁹ Уровень дохода респондентов (на одного члена семьи относительно прожиточного минимума 11 055 руб./мес. по Санкт-Петербургу за IV квартал 2018 г.).

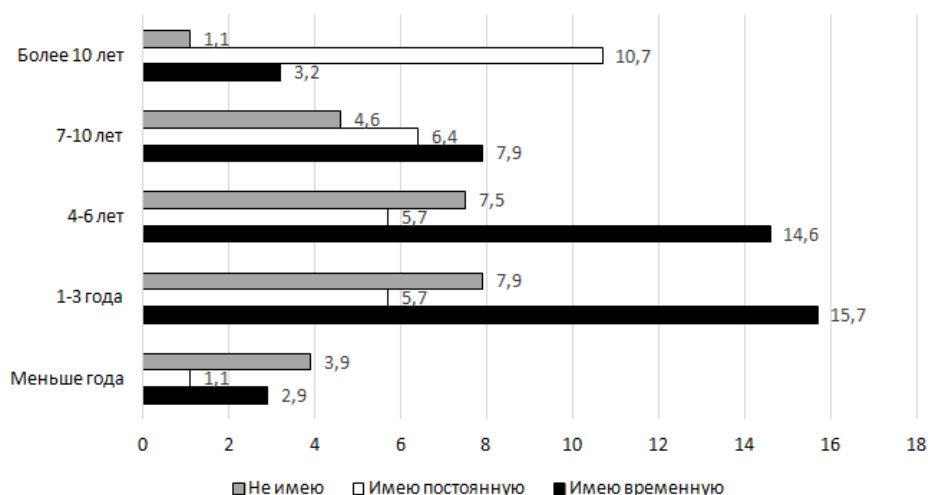

Рисунок 1. Сравнение времени проживания в Санкт-Петербурге и наличия регистрации, в %
Figure 1. Comparison of Residence Time in St. Petersburg and the Availability of Registration, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Таким образом, пятая часть мигрантов (22,2%¹²) не имеет регистрации, то есть они не учтены официально. Несмотря на кажущуюся очевидность соответствия политических статусов внутренних мигрантов и принимающего общества в действительности при реализации ч.1 ст. 27¹³ Конституции РФ, согласно которому «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства», отсутствие регистрации по месту пребывания или наличие временной регистрации влечёт за собой ряд ограничений/неудобств, например:

- приказ Минпросвещения РФ от 02.09.2020 № 458 «Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»¹⁴ закрепляет территориальный принцип поступления в российские школы: **первоочередное право на поступление в школу** имеют дети, проживающие на закреплённой за школой территории (подтверждается предоставлением копии документа о регистрации ребёнка по месту жительства или по месту пребывания на закреплённой территории), только потом зачисляются все остальные претенденты без учёта фактора закрепления на территории, но только

¹² За исключением проживающих менее года (3,9%), включая имеющих фиктивную регистрацию (1,1%).

¹³ Конституция Российской Федерации. Раздел I. Гл. 2. Ст. 27.

¹⁴ Приказ Минпросвещения РФ от 02.09.2020 г. № 458 «Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (в ред. приказов Минпросвещения РФ от 08.10.2021 № 707, от 30.08.2022 № 784, от 23.01.2023 № 47, от 30.08.2023 № 642).

если останутся свободные места. Таким образом, у детей с местной пропиской/временной регистрацией больше шансов попасть в желаемое учебное заведение.

- Федеральным законом №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵ наделение гражданина избирательным правом и правом на участие в референдуме обусловлено в том числе нахождением его места жительства или места пребывания в пределах избирательного округа. Хотя с 2019 года¹⁶ граждане с временной регистрацией получили право голосовать на региональных выборах и референдумах, но подавать заявление о включении в список избирателей необходимо не менее чем за три месяца до дня голосования. При отсутствии регистрации голосование невозможно. Также действует ограничение на выборах в органы местного самоуправления – проголосовать, находясь в другом регионе, не получится. Конечно, в настоящее время постепенно по субъектам РФ вводят дистанционное электронное голосование (ДЭГ), но на 2024 год ДЭГ доступно только для 26 субъектов,¹⁷ в Республике Дагестан к 2025 году ДЭГ не применялся.

С иными ограничениями при отсутствии регистрации по месту пребывания можно ознако-

¹⁵ Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

¹⁶ Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁷ Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России // Дистанционное электронное голосование: [сайт]. URL: vybory.gov.ru (дата обращения: 12 августа 2024).

миться на ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», к ним относится постановка на учёт в центре занятости и получение статуса безработного, оформление социальных пособий и др.¹⁸

Для увеличения интеграционного потенциала в политико-правовом измерении одним из решений представляется изменение порядка оформления внутренними мигрантами своего пребывания в ином субъекте РФ. Например, А.Н. Жеребцов [14] предлагает в развитие Федерального закона от 08 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» ввести цифровой профиль мигранта – аккаунт, имеющий персональный и идентификационный код, принадлежащий мигранту, содержащий достоверные общедоступные, специальные, биометрические персональные данные. Таким образом будет решена проблема административно-правового регулирования: воссоздана реальная картина, отражающая нагрузку на социальную инфраструктуру, получена возможность в полной мере реализовывать активное избирательное право, создана более облегчённая система получения пособий, в том числе по безработице, и т.д.

В целом, наличие официальной временной регистрации или постоянной прописки у выход-

цев из Республики Дагестан влияет на ощущение комфортности жизни в Санкт-Петербурге, в том числе при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов. Проведённый анкетный опрос зафиксировал наличие случаев интолерантности со стороны сотрудников правоохранительных органов (24,6%) и при оформлении документов (24,3%). Данные социологических исследований, проведённых в конце первой декады 2000-х зафиксировали, «что не принадлежащие к «титульной нации» граждане РФ подвергаются уличным милицейским¹⁹ проверкам не реже трудовых мигрантов, приехавших в Петербург из среднеазиатского и кавказского регионов» [15, с. 247]. Этнически избирательный контроль был зафиксирован Григорьевой К. [16, с. 300], где основным источником эмпирических данных выступали документальные источники, содержащие распоряжения и отчёты органов законодательной и исполнительной власти об осуществлении этнически избирательного контроля посредством: этнически избирательного сбора информации и избирательных «проверочных мероприятий».

2. Социально-экономическое измерение

Включение респондентов в трудовую и образовательную деятельность отражено на рисунке 2.

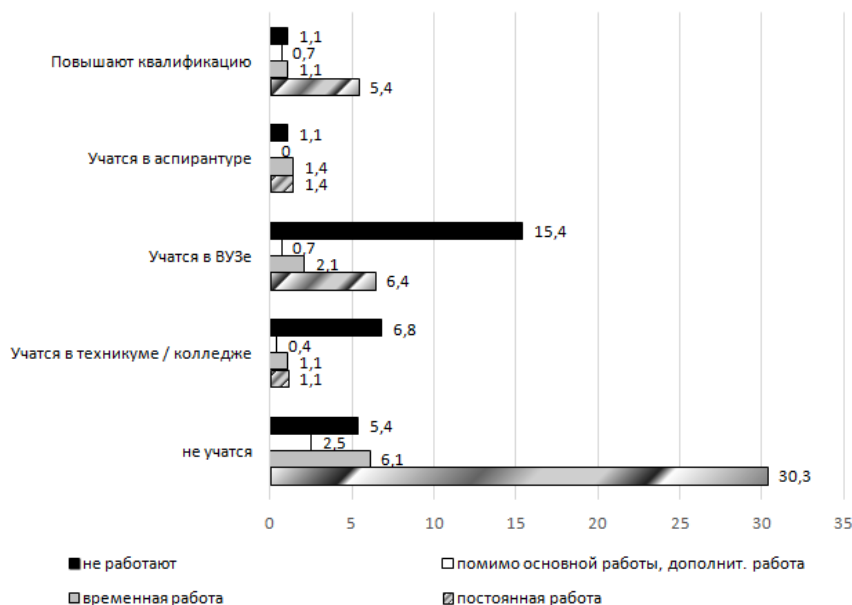

Рисунок 2. Трудовая и образовательная деятельность, в %²⁰
Figure 2. Work and Educational Activities, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

¹⁸ Зачем нужна временная регистрация // Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: [сайт]. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/temporary_registration/101280 (дата обращения: 12 августа 2024).

¹⁹ После реформы 2011 года – полиция.

²⁰ Не включены следующие категории: «находятся в декретном отпуске», «получают второе высшее», «учатся на курсах», «другое».

Дагестанская молодёжь активно включена в трудовую и образовательную деятельность (не вовлечённых ни в одну деятельность – 5,4%). Ос-

новные источники доходов респондентов представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. Основные источники доходов респондентов, в %
Figure 3. Main Sources of Income of Respondents, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Ожидаемо, что у большинства респондентов главный источник дохода – заработная плата по основному месту работы (61,8%). При том, что 34,3% являются студентами техникума/колледжа (9,3%) и университета (25,0%), закономерно,

что второй по популярности основной источник доходов – помощь родителей (29,6%), стипендия (18,6%) и постоянные подработки (18,6%). Жилищные условия респондентов отражены на рисунке 4.

Рисунок 4. Жилищные условия в Санкт-Петербурге, в %²¹
Figure 4. Housing Conditions in St. Petersburg, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

14,6% респондентов указали, что имеют собственное жильё в Санкт-Петербурге, совокупно 16,4% проживают в семейно-родственном окружении (живут с родителями и родственниками).

3. Культурно-религиозное измерение

Процесс интеграции внутренних мигрантов в принимающее общество проходит в условиях, которые могут либо способствовать, либо замедлять или мешать интеграции и реализации имеющегося потенциала мигрантов. В отношении иноэтнических мигрантов одним из таких барьеров интеграции является уровень этнического

негативизма, в том числе наличие/отсутствие этнических предрассудков: чем выше уровень этнического негативизма и чем сильнее предрассудки, тем ниже интеграционный потенциал принимающего общества [12; 17 и др.], соответственно, тем меньше возможностей для реализации интеграционного потенциала мигрантов. Конечно, истоки негативизма могут крыться в банальных экономических, социальных и иных причинах, но, как правило, в ситуациях напряжённости или открытых столкновений легко приобретают иную окраску (этническую, религиозную и т.д.). В настоящее время в России действует Стратегия государственной национальной политики РФ

²¹ 0,7% респондентов не ответили на данный вопрос.

на период до 2025 года²² (Стратегии-2025), где одними из ключевых показателей успешности реализации Стратегии-2025 являются – состояние межнациональных (межэтнических) отношений и отсутствие дискриминации. Промежуточными результатами реализации Стратегии-2025 с 2012 по 2018 год стали следующие показатели (по результатам социологических опросов): 78,4% граждан от общего количества опрошенных положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) от-

ношений, 93% граждан отмечают отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Для того чтобы быть интегрированным, мигрант должен ощущать себя частью принимающего (принявшего) общества. Важную роль здесь, конечно, играют взаимоотношения: есть ли этнические предрассудки и иные проявления интолерантности (опыт респондентов по данному показателю отражён на рисунке 5).

Рисунок 5. Случаи предвзятого отношения из-за национальной/религиозной принадлежности, в %
Figure 5. Cases of a Biased Attitude due to National/Religious Affiliation, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

В целом отмечен довольно высокий уровень интолерантности (подробнее рисунок 5 рассмотрен в заключении). При этом о случаях конфликтов с местными жителями сообщило 26,4% респондентов. Таким образом случаи предвзятого отношения из-за национальной/религиозной принадлежности не так часто приводят к открытому проявлению недовольства. Не испытывают трудностей в общении с местным населением, вызванных культурными различиями²³, – 64,7% опрошенных, примерно четверть испытывает небольшие трудности (23,9%), значительные трудности – 2,1%, и не видят культурных различий 8,6%. В целом дагестанская молодёжь привыкла жить в ситуации полиэтничности.

Эффективность процесса интеграции также во многом зависит от интенсивности связей в повседневной жизни с представителями принима-

ющего общества, поскольку чем интенсивнее позитивные связи, тем сильнее интегрирован индивид. В целом наблюдается высокая внутригрупповая сплочённость, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники (37,9%) и земляки (46,4). 6,4% оказались абсолютно не вовлечёнными в интенсивные социальные сети, указав на полное отсутствие друзей. Однако наиболее явно открытость/закрытость групп наблюдается в отношениях к бракам с представителями иных национальностей. Так при ответе на вопрос анкеты: «Если бы ваша сестра (при отсутствии сестры другая родственница) решила бы выйти замуж за русского, то вы...» 41,4% опрошенных указали, что религиозная принадлежность потенциального члена семьи играет решающую роль. В целом это ожидаемый показатель, поскольку Республика Дагестан – полиэтничный регион, где доминирующей религией является ислам, соответственно, данная брачная модель

²² Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

²³ Другое – 0,7%.

считается приемлемой. Категорически неодобрительное отношение – осуждение и попытки отговорить отметили 18,9%. Отдавая дань традиционному укладу 17,1%, выбрали ответ «у нас всё решают родители». Безоговорочно позитивно предполагаемое родство с представителем иной национальности (в данном случае – русским) восприняло 15,0% опрошенных. Похожие результаты демонстрирует исследование К.И. Казенина и И.В. Стародубровской дагестанских мигрантов в Астрахани [18]. В ходе исследования было выявлено, что «среднее число людей той же национальности, что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодёжи – 3,1, а у более старших – 3,6%» [18, с. 421]. К.И. Казенин и И.В. Стародубровская приходят к выводу, «что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенчес-

ких сообществ, причём эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя всё равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социализацию в принимающем обществе. В то же время в определённой мере интеграция происходит в мусульманскую культуру – так, для молодёжи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов» [18, с. 425].

В качестве итога рассмотрим интеграционный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, используя как критерий степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге (рисунок 6).

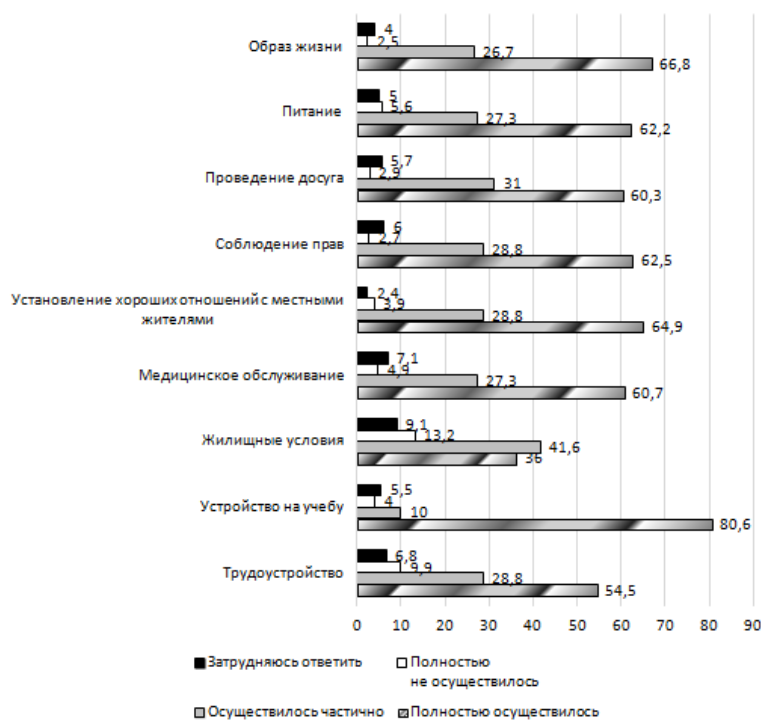

Рисунок 6. Степень осуществления намерений в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, в %
Figure 6. The degree of implementation of intentions in the new living conditions in St. Petersburg, in %

Источник: данные авторского социологического исследования.

Выводы

Исследование продемонстрировало неоднозначность интеграционного потенциала внутренних мигрантов в разных измерениях: политико-правовом, социально-экономическом, культурно-религиозном, также показана взаимозависимость измерений.

Степень осуществления намерений дагестанской молодёжи в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге (рисунок 6) выбрана в качестве критерия интеграционного потенциала дагестанской молодёжи потому, что чем выше степень осуществления намерений, тем позитивнее и продуктивнее взаимодействие с принимающим обществом,

соответственно, выше интеграционный потенциал приезжих, однако, на реализацию намерений помимо личностных характеристик самых мигрантов существенное влияние оказывает принимающая среда, особенно, если она подвержена этническим и религиозным предрассудкам.

Полное осуществление намерений в части соблюдения прав отметили 62,5% опрошенных, частичное – 28,8%, при этом 24,6% сообщили о случаях предвзятого отношения со стороны сотрудников правоохранительных органов и 24,3% при оформлении документов.

Показатели социально-экономического измерения оказались наиболее разбросанными. Самой неотрегулированной оказалась жилищная сфера – 67,1% опрошенных отметили случаи предвзятого отношения при попытках снять жильё. При этом в этой же сфере наблюдается самое низкое осуществление намерений. Это единственный показатель, где количество респондентов, чьи намерения осуществились частично (41,6%), превышает тех, чьи намерения осуществились полностью (36,0%), также самый высокий показатель тех, чьи намерения полностью не осуществились (13,2%). Таким образом, как ответ на вызовы миграции осложнены пути интеграции в жилищной сфере. Трудоустройство занимает второе место по степени наименьшего осуществления намерений: на полное осуществление указали 54,5% опрошенных, на частичное – 28,8%, на полное неосуществление – 9,9%, при этом трудоустройство входит в тройку наиболее дискриминационных сфер – 34,6% указали на случаи предвзятого отношения при приёме на работу. При этом очень высока степень вовлечения дагестанской молодёжи в трудовую и образовательную деятельность (доля не вовлечённых ни в одну деятельность – 5,4%). Также устройство на учёбу – наиболее успешная деятельность в части осуществления намерений (полное осуществление – 80,6%, частичное – 10%). Наименее дискриминационная сфера – медицинское обслуживание, всего с предвзятым отношением сталкивались 13,6%, при этом степень осуществления намерений при оказании медицинских услуг находится только на четвёртой позиции (полное осуществление – 60,7%, частичное – 27,3%).

Культурно-религиозное измерение также содержит некоторый ряд проблем. Предвзятость на улице или в транспорте отмечена каждым четвёртым опрошенным (40%). Четвёртая по уровню предвзятого отношения сфера – это отношения с соседями (28,9%), при этом наблюдается общее установление хороших отношений с местными жителями – 64,9% (полное осуществление намерений) и 28,8% (частичное). Это может быть объяснено тем, что соседей не выбирают. Также высок уровень групповой сплочённости, тем не менее, группа характеризуется открытостью, основанной помимо прочего на установлении хороших отношений с местными жителями, что, по нашему мнению, является следствием наличия опыта проживания в поликультурном регионе, где доминирующим фактором оказывается религия, создающая объединяющий контекст. Несмотря на то, что практики питания во многом обусловлены национально-религиозными потребностями (в основе лежат религиозные предписания («халаль»)), а также имеются национальные/региональные особенности, тем не менее 62,2% полностью осуществили свои намерения в сфере питания и 27,3% частично осуществили, но при этом 5,6% полностью не осуществили свои намерения. Функционирование инфраструктуры удовлетворения национально-религиозных потребностей в области питания дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, отражено в [19], также популярны пищевые трансферты из региона исхода в регион проживания [20]. Предпоследняя по предвзятости сфера – проведение досуга (18,9%), при этом по степени осуществления намерений досуг отмечен как третий по неуспешности – 60,3% – полное осуществление, 31% – частичное осуществление, возможно это может быть связано с тем, что содержание досуга не соответствует желаемому. Образ жизни занимает второе место по степени осуществления намерений – 66,8% (полное осуществление) и 26,7% – (частичное) и демонстрирует самый низкий показатель по степени их неосуществления – 2,5%, что в том числе свидетельствует об успешности освоения мигрантами места вселения, несмотря на наличие рассмотренных выше трудностей.

Список источников

1. Мукомель В.И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018. № 2. С. 141–160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2018-2> EDN XSCKXZ
2. Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 4(39). С. 196–201. EDN OEYMCN
3. Berry J.W. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity // Papers on Social Representations. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 2.1–2.21.

4. Park R.E. The Nature of Race Relations // Race Relations and the Race Problem / ed. by E.T. Thompson. Durham: Duke University Press, 1939. P. 3–45.
5. Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964. 288 p.
6. Vertovec S. Superdiversity: Migration and Social Complexity. 1st ed. London: Routledge, 2022. 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780203503577>
7. Esser H. Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2006. Vol. 38. No. 3. P. 1126–1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>
8. Heckmann F., Bosswick W. Integration and integration policies: IMISCOE network feasibility study. Germany: Bamberg, 2005. 277 p.
9. Entzinger H. The dynamics of integration policies: a multidimensional model // Challenging immigration and ethnic relations politics: Comparative European perspectives / eds. by K. Koopmans, P. Statham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 97–118. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198295600.003.0005>
10. Penninx R., Garcés-Masareñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept // Integration Processes and Policies in Europe / eds. by B. Garcés-Masareñas, R. Penninx. IMISCOE Research Series. Springer, 2016. P. 11–29. ISBN 978-3-319-21674-4 https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2
11. Воронина Т.В. Интеграционный потенциал стран СНГ: перспективы его реализации // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2011. № 1(33). С. 112–121. EDN OXEVXJ
12. Кузнецов И.М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 273–288. EDN PBVCHD
13. Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В., Маслова Т.Ф. Мигранты в социокультурном пространстве региона: социологические очерки. М.: Инфра-М, 2009. 176 с. ISBN 978-5-98281-158-5 EDN SDQPRP
14. Жеребцов А.Н. Внутренняя миграция населения: проблемы содержания и перспективы административно-правового регулирования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14(3). С. 37–43. https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-37-43_EDN_FQFIEY
15. Воронкова В., Гладарева Б., Сагитовой Л. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя, 2011. 638 с. ISBN 978-5-9141-9537-0. EDN SURAZT
16. Григорьева К.С. Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // Журнал исследований социальной политики. 2020. Том 18. № 2. С. 299–312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>
17. Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 2. С. 83–100. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.725_EDN_ONJEFZ
18. Казенин К.И., Стародубовская И.В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 405–428. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901_EDN_ZTNFRV
19. Шекеера Е.А. Конструирование социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге: гражданская наука как альтернативный способ сбора данных // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 2(49). С. 158–172. https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1536_EDN_NNMDON
20. Канустина Е.Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // Кунсткамера. 2020. № 2(8). С. 191–200. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2\(8\)-191-200_EDN_APHTDH](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200_EDN_APHTDH)

Информация об авторе:

Шекеера Екатерина Александровна – соискатель учёной степени кандидата социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (SPIN-код: 6316-9036) (РИНЦ Author ID: 1207005) (ResearcherID: R-2114-2017)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Mukomel V.I. Regional Specificity of Integration of Internal Ethnic Migrants. *Federalizm=Federalism*. 2018;(2):141-160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2018-2> (In Russ.)
2. Tabylgina L.A. The Main Scientific Approaches to the Concept of «Social Integration». *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta=Scholarly Notes of Transbaikalsk State University*. 2011;(4(39)):196-201. (In Russ.)
3. Berry J.W. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity. *Papers on Social Representations*. 2011;20(1):2.1-2.21.
4. Park R.E. The Nature of Race Relations. In: Thompson E.T. (ed.) Race Relations and the Race Problem. Durham: Duke University Press; 1939. P. 3–45.
5. Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. New York: Oxford University Press; 1964. 288 p.
6. Vertovec S. Superdiversity: Migration and Social Complexity 1st ed. London: Routledge; 2022. 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780203503577>

7. Esser H. Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. 2006;38(3):1126–1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>
8. Heckmann F., Bosswick W. Integration and integration policies: IMISCOE Network Feasibility Study. Germany: Bamberg; 2005. 277 p.
9. Entzinger H. The Dynamics of Integration Policies: A Multidimensional Model. In: Koopmans R., Statham P. (eds.). *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives*. Oxford: Oxford University Press; 2000. P. 97–118. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198295600.003.0005>
10. Penninx R., Garcés-Mascareñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept. In: Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (eds). *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Springer; 2016. P. 11–29. ISBN 978-3-319-21674-4 https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2
11. Voronina T.V. Integratsionnyi Potentsial Stran SNG: Perspektivy Ego Realizatsii. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)=Vestnik of Rostov State Economic University (RINH)*. 2011;(1(33)):112–121. (In Russ.)
12. Kuznetsov I.M. Migranty v Megapolise i Provintsii: Variativnost' Realizatsii Integratsionnogo Potentsiala. *Rossiia Reformiruyushchayasya*. 2008;(7):273–288. (In Russ.)
13. Gritsenko G.D., Dmitriev A.V., Maslova T.F. Migranty v Sotsiokul'turnom Prostranstve Regiona: Sotsiologicheskie Ocherki. Moscow: Publishing House Infra-M; 2009. 176 p. ISBN 978-5-98281-158-5 (In Russ.)
14. Zhrebtsov A.N. Internal Migration of the Population: Problems of Content and Prospects of Administrative and Legal Regulation. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta=Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(14(3)):37–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-37-43> (In Russ.)
15. Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. Militiya i Ehtnicheskie Migranty: Praktiki Vzaimodeistviya. St. Petersburg: Aleteiya; 2011. 638 p. ISBN 978-5-9141-9537-0 (In Russ.)
16. Grigor'eva K.S. Racial Discrimination in Policing: Dysfunction in the Law Enforcement System or a Social Institution? *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(2):299–312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312> (In Russ.)
17. Arutyunova E.M., Kuznetsov I.M. Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii=The Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;12(2):83–100. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.725> (In Russ.)
18. Kazenin K.I., Starodubrovskaya I.V. Daghestanian Migrants in Astrakhan: a Study of Integration Processes. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie I Social'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(4(164)):405–428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>. (In Russ.)
19. Shekera E.A. Design of the Social Nutrition Map of Dagestan Youth in St. Petersburg: Civil Science as an Alternative Way of Data Collection. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium=Journal of Wellbeing Technologies*. 2023;(2(49)):158–172. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1536> (In Russ.)
20. Kapustina E.L. Food Transfers in the Context of Translocal Migration from Dagestan to Western Siberia. *Kunstkamera*. 2020;(2(8)):191–200. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2\(8\)-191-200](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-2(8)-191-200) (In Russ.)

Information about the author:

Ekaterina A. Shekera – applicant for the degree of PhD in Sociology, Saint Petersburg State University (SPIN-code: 6316-9036) (RSCI Author ID: 1207005) (ResearcherID: R-2114-2017)
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.06.2023; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 11.09.2025.